

УДК 81'27

**ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛЕКТА «REDNECK» В США**

Другакова А.Н.<sup>1</sup>, студент гр. 330, III курс  
Научный руководитель: Самарин А.В.<sup>1</sup>, к.фил.н., доцент  
Белгородский государственный национальный исследовательский  
университет (Старооскольский филиал)  
г. Старый Оскол

Понятие «социолект» в парадигме современной лингвистики трактуется как совокупность языковых особенностей, свойственных определённой социальной группе — профессиональной, возрастной, субкультурной, — функционирующих внутри национального языка в качестве специфической подсистемы. В отличие от диалекта, социолект не привязан жёстко к территориальному ареалу, хотя нередко обнаруживает устойчивую региональную локализацию, формируя сложные конфигурации, опирающиеся одновременно на географическую и социальную дифференциацию речи. В. И. Беликов и Л. П. Крысин, разграничивая территориальные и социальные разновидности языка, подчёркивают, что «социальная дифференциация речи отражает структуру общества и воспроизводит её в языке, закрепляя за каждой группой специфический набор языковых средств, маркирующих принадлежность индивида к данной группе» [1, с. 47]. Исследователи, работающие в русле социолингвистики, рассматривают социолект как маркер групповой идентичности, выполняющий солидаризирующую и разграничительную функции одновременно.

Термин «redneck» фиксируется в американском английском с XIX века: первоначально он обозначал белых бедных фермеров южных штатов, занятых тяжёлым физическим трудом под открытым небом и имевших, вследствие этого, характерный загар на шее. В дальнейшем слово приобрело выраженную пейоративную коннотацию, использовавшуюся за пределами группы как стигматизирующий ярлык, указывающий на низкий социальный статус, ограниченный культурный кругозор и консервативные политические взгляды. Дж. Кобб, прослеживая эволюцию данного термина в послевоенной Америке, указывает, что «Слово «реднек» (redneck) превратилось из чисто описательного сельскохозяйственного термина в поле культурной и политической битвы, служа индикатором как снисходительного отношения со стороны тех, кто находится вне группы, так и всё более вызывающей гордости со стороны тех, кто находится внутри неё» [2, р. 83].

К концу XX — началу XXI века прослеживается устойчивая тенденция к рекламации термина самими носителями: слово «redneck» всё активнее функционирует внутри группы как маркер позитивной идентичности, выражающий гордость за традиционный уклад и противостояние урбанистическим культурным нормам.

Актуальность обращения к данному социолекту определяется его широкой представленностью в современном американском медиапространстве: соответствующие речевые черты воспроизводятся в кинематографе, телешоу, музыкальных текстах жанра кантри и в социальных сетях, формируя устойчивые стереотипные образы, влияющие на языковую картину всего американского общества. Целью настоящего исследования является комплексный анализ лингвистических особенностей социолекта «redneck» на фонетическом, грамматическом и лексико-фразеологическом уровнях. В число задач входит описание характерных черт произношения; выявление специфических синтаксических конструкций; анализ словарного состава; исследование медийной репрезентации данного социолекта. Объектом исследования служит речь

представителей белого рабочего класса южных и центральных штатов США, а предметом — совокупность дифференциальных языковых признаков, отличающих данную подсистему от стандартного американского варианта английского языка.

Рассмотрим фонетическую и грамматическую специфику социолекта «redneck». Фонетическим ядром социолекта «redneck» служит система произношения, известная в диалектологии как Southern American English или, в популярном дискурсе, «Southern drawl» — «южное растяжение». Наиболее показательной чертой, фиксируемой в корпусных и экспериментально-фонетических исследованиях, является монофтонгизация дифтонга /aɪ/, реализующегося как удлинённый монофтонг [a:]: лексема «time» произносится приблизительно как [ta:m], «ride» — как [ra:d].

У. Лабов, детально описывая данное явление, констатирует: ««Южный сдвиг» (Southern Shift) представляет собой наиболее систематическую инверсию фонологической иерархии, встречающуюся в диалектах американского английского языка, при которой гласные нижнего подъема сдвигаются вверх и вперед, в то время как гласные верхнего подъема смещаются вниз.» [3, p. 112]. Этот процесс затрагивает позиции перед звонкими согласными и в открытом слоге. Сегодня он признается диагностическим признаком южного произношения: его достаточно для идентификации говорящего даже без учета других черт.

Другое важное явление — так называемый pin-pen merger. Происходит нейтрализация противопоставления гласных /ɪ/ и /ɛ/ перед носовыми /m/, /n/, /ŋ/. В результате пары слов вроде «pin» и «pen» или «him» и «hem» звучат абсолютно одинаково (омофония). Это закономерно порождает коммуникативные трудности при общении с носителями других диалектов. Как отмечают У. Волфрам и Н. Шиллинг, данное слияние носит системный характер. Оно не является случайным, а структурно обусловлено и категорически применяется в речи большинства южан, независимо от их образования или социального класса [4, p. 29].

Что касается лексики, здесь выделяется разветвленная система зооморфных метафор. Они напрямую отсылают к сельскохозяйственному быту: «madder than a wet hen» (крайне злой), «*slower than molasses in January*» (очень медлительный). М. Монтгомери и Дж. Холл, документируя фразеологический фонд Аппалачей, указывают, что подобный фигуративный язык опирается на реалии фермерства и охоты [7, с. 152]. Для носителей иных диалектов эти фразеологизмы непрозрачны. Именно поэтому их понимание и уместное употребление служит надежным маркером принадлежности к локальному сообществу «своих».

Грамматическая система данного социолекта отличается рядом устойчивых нестандартных конструкций, получивших в лингвистической литературе детальную документацию. Среди них особое место занимает двойное отрицание (multiple negation), запрещённое нормативной грамматикой стандартного американского английского, однако представляющее собой системную черту южных диалектов: «I ain't never done nothing wrong». Форма ain't функционирует как универсальный отрицательный вспомогательный глагол, замещающий am not, is not, are not, have not и has not, утрачивая, таким образом, категориальную дифференциацию, обязательную в стандарте. Местоимение y'all (you all) занимает в региональной системе нишу специализированного множественного числа второго лица, отсутствующего в стандарте, и нередко употребляется даже в обращении к одному собеседнику, приобретая обобщённо-личное значение [5, с. 67].

Среди нестандартных глагольных форм, устойчиво фиксируемых в речи носителей южных диалектов, особого внимания заслуживает употребление done в качестве аспектуального маркера завершенности действия. М. Пикон и К. Дэвис, обобщая корпусные данные по юго-восточным диалектам, указывают: «Вспомогательный глагол *done* в таких

конструкциях, как «*He done told me*» (Он уже сказал мне), функционирует как маркер перфекта, сигнализирующий о завершённом действии, имеющем отношение к настоящему моменту, и его следует отличать от причастия прошедшего времени *done* как по синтаксическим, так и по семантическим критериям» [6, с. 144]. Аналогичную функцию выполняет конструкция *be + done + V-ed* в значении предшествования: «*By the time you get here, I'll be done finished*».

Описанные конструкции, рассматривавшиеся ранее исключительно как проявление безграмотности, в современных исследованиях квалифицируются как регулярные грамматические средства, обладающие собственной семантической и прагматической спецификой. М. Монтгомери и Дж. Холл дополнительно фиксируют характерную для аппалачского ареала конструкцию «double modal» — сочетание двух модальных глаголов (*might could, used to could, might should*), выражающих модальные нюансы, недостижимые средствами стандартного английского при использовании одного модального глагола [7, с. 38].

Далее рассмотрим лексический состав социолекта «redneck», который формируется преимущественно тремя источниками: архаической лексикой, сохранившейся в южных говорах с раннего периода американской истории; специализированной терминологией, связанной с традиционными занятиями группы — охотой, рыбалкой, скотоводством и сельскохозяйственным трудом; а также современным сленгом, отражающим субкультурные ценности. К первому пласту относятся лексемы типа «*yonder*» (вон там, там вдали), «*geskon*» (полагать, считать), «*fixing to*» (собираться сделать что-либо), причём последнее выражение функционирует как полноценный перспективный маркер, структурно параллельный конструкции «*going to*», но несущий дополнительные прагматические коннотации незамедлительности предстоящего действия [7, с. 38].

Среди идиоматических выражений, отражающих специфику культурного мышления данной группы, выделяется разветвлённая система зооморфных метафор, апеллирующих к сельскохозяйственному быту: «*madder than a wet hen*» (злее мокрой курицы — чрезвычайно злой), «*slower than molasses in January*» (медленнее патоки в январе — крайне медлительный), «*big hat, no cattle*» (большая шляпа, но нет скота — о человеке, чьи претензии не подкреплены реальными возможностями).

Л. Грин, анализируя механизмы идиоматики в нестандартных диалектах американского Юга, подчёркивает, что «Регионально-специфичные идиомы служат мощными шибболетами (своеобразными паролями): их правильное использование сигнализирует о принадлежности к культуре, тогда как их неправильное употребление или незнание немедленно выдают чужака» [8, с. 91]. Данные фразеологизмы характеризуются высокой образностью и непрозрачностью для носителей иных диалектов, что обуславливает их ярко выраженную функцию маркирования внутригрупповой принадлежности.

К числу специфических лексических черт, требующих особого рассмотрения, относятся пласт религиозной лексики, активно интегрированной в повседневную речь носителей (устойчивые формулы «*Lord have mercy*», «*bless your heart*», «*I'll be dadgummed*»), а также обширный пласт эвфемистической лексики, смягчающей обценную речь в соответствии с протестантскими нормами приличия. Форма «*dadgum*», «*doggone*», «*dern*», «*shoot*» выступают регулярными эвфемистическими субститутами, указывающими на культурную норму сдержанности в публичном пространстве. Указанная особенность отмечается М. Монтгомери и Дж. Холлом как системная черта аппалачского варианта социолекта, восходящая к пуританским традициям ранних шотландско-ирландских переселенцев [7, с. 44].

Репрезентация социолекта «redneck» в американском кинематографе и телевидении носит амбивалентный характер. С одной стороны, ряд

популярных телешоу — «*Duck Dynasty*», «*Here Comes Honey Boo Boo*» — эксплуатирует речевые черты данного социолекта в качестве маркеров комического и экзотического, закрепляя стереотипный образ необразованного, но добросердечного провинциала. Э. Чэрити Хадли, исследуя репрезентацию южного языка в медиапространстве, констатирует: «Изображение южной речи в средствах массовой информации постоянно смешивает лингвистические особенности с социальными характеристиками, создавая замкнутый круг, в котором диалектные особенности начинают указывать не просто на региональное происхождение, а на целые созвездия предполагаемых ценностей, уровней интеллекта и культурных взглядов» [9, с. 203]. С другой стороны, ряд режиссёров и сценаристов использует аутентичные диалектные черты для создания многомерных персонажей, отказывающихся вписываться в стереотип.

Проблема передачи социолекта «*redneck*» средствами перевода представляет значительную теоретическую и практическую трудность. Переводчик, стремящийся воспроизвести социальный и культурный статус речи персонажа, сталкивается с отсутствием в языке перевода эквивалентного социального диалекта, несущего аналогичный спектр коннотаций. С.И. Влахов и С.П. Флорин, разработавшие наиболее детальную отечественную классификацию приёмов передачи «непереводимого», указывают, что «диалектизмы при переводе принято заменять просторечными или разговорными эквивалентами языка перевода, что ведёт к неизбежной потере национально-региональной специфики и замене её социально-стилистической маркированностью иного рода» [10, с. 57].

Практика российских переводов американской кинопродукции демонстрирует преимущественно стратегию компенсации за счёт просторечных и диалектных элементов русского языка, однако данное решение неизбежно смещает культурный акцент, замещая американский региональный колорит отечественными социальными маркерами, не имеющими прямой аналогии в исходной культуре.

Публицистические заголовки, апеллирующие к образу «*redneck*», образуют особый дискурсивный пласт, в котором лингвистические черты социолекта эксплуатируются в целях политического позиционирования. Особенно отчётливо данная тенденция прослеживается в периоды избирательных кампаний, когда ярлык «*redneck*» превращается в инструмент как стигматизации электоральных групп, так и их мобилизации. Дж. Кобб, анализируя политическое измерение данного феномена в послевоенной истории США, подчёркивает, что идентичность белого рабочего класса Юга, долгое время выражавшаяся через языковые и культурные маркеры, к началу XXI века стала главным инструментом национальной популистской политики, вышедшей далеко за пределы географического Юга [2, p. 112].

Проведённый анализ позволяет систематизировать ключевые лингвистические характеристики социолекта «*redneck*», охватывающие три уровня языковой системы. На фонетическом уровне диагностическими признаками являются монофтонгизация дифтонга /aɪ/, нейтрализация /ɪ/ и /ɛ/ перед носовыми согласными (*pin-pen merger*), а также системная редукция суффикса *-ing*. На грамматическом уровне фиксируются двойное отрицание, полифункциональность *ain't*, специализированное местоимение *y'all*, конструкции *double modal* и аспектуальный маркер *done*.

На лексико-фразеологическом уровне выделяются архаические лексемы, перспективная конструкция «*fixing to*», разветвлённая система зооморфных идиом сельскохозяйственного происхождения и пласт эвфемистической религиозной лексики. Совокупность перечисленных черт образует структурно целостную подсистему, обнаруживающую внутреннюю системность и не сводимую к случайным отклонениям от нормы.

Роль социолекта «redneck» в культурном ландшафте США определяется его функционированием одновременно на нескольких уровнях: как средства внутригрупповой солидаризации, как объекта стереотипизации в массовой культуре и как инструмента политической идентификации. Э. Чэрити Хадли, подводя итог масштабному исследованию роли южного языка в американском обществе, констатирует, что «Южные языковые варианты, включая те, которые ассоциируются с сельскими представителями белого рабочего класса, продолжают служить одной из самых мощных и спорных площадок для осмысления и формирования американской идентичности» [9, с. 212].

Язык данной социальной группы оказывается встроен в более широкие дискуссии об американской идентичности, классовом расслоении и противостоянии урбанистической и сельской культур, приобретающие в современном социально-политическом контексте всё большую остроту. Изучение подобных социолектов остаётся задачей, выходящей за рамки собственно лингвистики и приобретающей значимость для культурологии, социологии и политической науки.

### Список литературы:

1. Беликов В.И. Социоллингвистика : учебник для вузов / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М. : Юрайт, 2021. – 337 с.
2. Cobb J. The South and America since World War II / J. Cobb. – New York : Oxford University Press, 2021. – 312 p.
3. Labov W. Dialect Diversity in America: The Politics of Language Change / W. Labov. – Charlottesville : University of Virginia Press, 2022. – 198 p.
4. Wolfram W. American English: Dialects and Variation / W. Wolfram, N. Schilling. – 3rd ed. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2021. – 384 p.
5. Tillery J. The development of Southern American English / J. Tillery, G. Bailey // Language Variation and Change. – 2020. – Vol. 32, № 1. – P. 55–79.
6. Picone M.D. Varieties of English in the Southeast / M.D. Picone, C.E. Davies. – Tuscaloosa : University of Alabama Press, 2022. – 420 p.
7. Montgomery M. Appalachian English / M. Montgomery, J. Hall. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2020. – 276 p.
8. Green L.J. African American English: A Linguistic Introduction / L.J. Green. – Cambridge : Cambridge University Press, 2022. – 285 p.
9. Charity Hudley A.H. The Language of the South and Its Role in American Life / A.H. Charity Hudley // Annual Review of Linguistics. – 2023. – Vol. 9. – P. 195–215.
10. Влахов С.И. Непереводимое в переводе / С.И. Влахов, С.П. Флорин. – 4-е изд. – М. : Р. Валент, 2020. – 408 с.